
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ВООБРАЖЕНИЕ И ФАНТАЗИЯ

Аннотация. Статья посвящена особому человеческому дару – воображению. Автор размышляет об удивительной способности человека – творить фантастические миры, уходить от реальности в сферу грёзы, себе и другим «сны золотые навевать». В этом смысле отмечается роль сновидений, поэтической фантазии, креативной способности человека, его увлечённости игрой, галлюцинаторных иллюзий и видений. Автор обращается к двум первоначалам античной культуры, отмеченной Ф. Ницше, – аполлоническому и дионисийскому. Тяга к грёзе осмысливается в статье как попытка раздвинуть просторы человеческого бытия, освоить иные миры, неподвластные человеку, попытаться с их помощью восполнить фрагментарность человеческого существования.

Автор опирается на серьёзные достижения философской мысли, постигающей феномены мифа, игры, фантазии. Используются методы философской антропологии.

В статье содержится попытка рассмотреть грани человеческого бытия, которые связаны с игрой. Проводится различие между понятиями воображения и фантазии, исследуются различные формы ухода от реальности. Автор стремится раскрыть причины отвлечения от реальности в снах, в искусстве, в карнавальных празднествах и шествиях. Показано, что способность к фантазии свидетельствует о незавершённости человека, о его тоске по целостности, по восполненности.

Ключевые слова: воображение, фантазия, реальность, иллюзия, игра, грёзы, человеческое бытие, искусство, разум, абсурд.

Abstract. The article is devoted to imagination as a special gift that only human may have. The author of the article reflects on the amazing ability of human to create fantastic worlds, to escape from the reality in their daydreams, to evoke dreams and to put himself and others to sleep. In this regard, the author of the article underlines the role of dreams, poetic fantasy, human creativity, his passion for play, hallucinative illusions and visions. The author appeals to the two initial sources of ancient culture described by Nietzsche, the Apollonian and the Dionysian. In his article Gurevich views human passion for dreaming as an attempt to extend the borders of human existence, to grasp the other worlds beyond man's power and to complete the missing fragments of human existence. The article is based on serious achievements of philosophy regarding such phenomena as myth, play and fantasy. The author also uses the methods of philosophical anthropology. The article presents an attempt to view all sides of human existence that are related to play. The author distinguishes between the definitions of imagination and fantasy and analyzes different forms of escape from the reality. The author tries to find the reasons of escape from the reality in dreams, art, carnivals and parades. He shows that human ability and passion for fantasizing prove the incompleteness of human and his longing for being complete.

Key words: reality, illusion, game, daydreams, human existence, art, reason, absurdity, fantasy, imagination.

Укоренены ли мы в реальности? Хорошо ли встроены в житейски достоверный ракурс событий? Отчего наша мысль постоянно стремится оторваться от действительности и взмыть в сторону грёзы? Если бы можно было зафиксировать в динамике нашей психики, с одной стороны, неукоснительное пребывание в рассудочно принятой жизненной конкретности и, с другой стороны, её фантазийное избегание, то оказалось бы, вероятно, что большая часть нашего времени – это пребывание в мечтах. Мы неустанно строим воздушные замки, придумываем призрачные миры, торопимся покинуть принудительный реализм повседневности.

Понятное дело, что сновидение постоянно готовит нам призрачные сюрпризы. Не удивительно, что креативная способность человека прежде всего реализуется в искусстве. Фантазия поэтов и художников безбрежна, и мы погружаемся в эти фикции, обживаем волшебные пространства, удовлетворяем растущую потребность отметиться в облаках. Если бы человечество не располагало этим волшебным даром, то не было бы и искусства. И всё-таки почему люди хотят плакать над вымыслом? Отчего всех истин нам дороже нас возвышающий обман? Вероятно, мы имеем дело с томительным стремлением человека раздвинуть рамки собственного бытия, домыслить иное, земное и поту-

стороннее существование, в целом неподвластное нам. Так рождается детская игра: «В салазки Жучку посадив, себя в коня преобразив...». К сотворению волшебного мира склонны не только дети и поэты.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаёмся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

Великий грёзотворец Н. Башляр писал: «С помощью воображения, благодаря тонкостям функционирования ирреального мы входим в мир доверия, в мир доверчивого существа, в собственный мир грёзы. Впоследствии мы приведём много примеров космических грёз, соединяющих грёзовидца и мир. Это соединение доступно феноменологическому исследованию. Познание реального мира потребовало бы сложных феноменологических исследований» [1, с. 18].

Универсальным средством, которое помогает индивиду преодолеть разломленность человеческого бытия, является игра. Культовые празднества известны с самых далёких времён. В эпоху Античности они проводились ежегодно или немного реже. Продолжались праздники не только в течение дня, но порой длились и несколько суток. В эти дни свободные граждане могли не заниматься трудом. Игры сопровождалась процессиями и другими ритуальными действиями. Одновременно шли спортивные и музыкальные состязания, устраивались сценические представления и увеселения. В Риме имели распространение цирковые игры и гладиаторские бои.

Всем известны Олимпийские игры, которыми славилась античная Греция. Они сопровождалась спортивными состязаниями в честь Зевса. Пифийские игры посвящали спортивным и музыкальным состязаниям Аполлону. Они проходили в Дельфах раз в четыре года. Пользовались известностью также Истмийские игры, проводимые раз в четыре года во славу Посейдона. В Немейской долине устраивались Немейские игры. Они славили Зевса. Игры в Риме поначалу выглядели как цирковые состязания. В них участвовали отдельные колесницы и наездники.

Ф. Ницше отметил, что античные празднества так же отражают разломленность человеческого бытия, как разделение по полу. Аполлоническое начало в искусстве он сравнивал со сновидением, а дионисийское – с опьянением. «В сновидениях, – писал Ф. Ницше, – впервые предстали, по мнению Лукреция, душам людей чудные образы богов; во сне великий ваятель увидел чарующую соразмерность членов сверхчеловеческих существ; и эллинский поэт, спрошенный о тайне поэтических зача-

тий, также вспомнил бы о сне и дал бы поучение, сходное с тем, которое Ганс Сакс даёт в “Мейстерзингерах”» [2, с. 59].

Но, как известно, другое первоначало античной культуры – дионисийское, захватывает все субъективные переживания человека до полного самозабвения. «Под чарами Диониса не только вновь смыкается союз человека с человеком: сама отчуждённая, враждебная или поработённая природа вновь празднует праздник примирения со своим блудным сыном – человеком. Добровольно предлагает земные свои дары, и мирно приближаются хищные звери скал и пустыни. Цветами и венками усыпана колесница Диониса, под ярмом его шествует пантера и тигр» [2, с. 62].

Окрылённый вдохновением, поэт способен сотворить беспредельный мир, рождённый в его грёзах. По сравнению с реальностью, художественные мечтания всегда обладают эффектом новизны. Они спонтанны, свободны. Однако в определённом смысле их обуживает потребность в соучастии. Убегая от реальности, мы хотим, чтобы наша грёза увлекла за собой и других людей. Конечно, есть особая улада в неповторимой вселенной, созданной нашим индивидуальным воображением. Однако её нередко заселяют другими персонажами или нацеливают на возможные причудливые совпадения других фантазёров. Свои достоинства имеет дремлющее, сновидческое сознание. Но нередко мы оказываемся жертвами активного, действенного, зовущего образа.

Наконец, существуют *фантастические визуальные явления*, классическое описание которых дал И. Мюллер, и феномены, хорошо известные ныне под названием *субъективных визуальных образов* [3, с. 100]. Не так-то просто ориентироваться среди немислимых порождений нашего воображения.

Но действительно ли мечтания утрачивают свою первоначальную связь с фактической повседневностью или нередко они оказываются гипотезами жизни? Грёзы рождаются и исчезают. Порою дневной свет размывает их облик и очертания. Правомерно задуматься: нужна ли, полезна ли мечтательность? Окружающее зачастую воспринимается как призрачный мир. А грёза беспредельна в своих трансформациях. Она почти не знает противоречий, и немислимое не смущает воображение поэта. В реальной жизни много бесчеловечности, недостижимого, абсурдного. Но абсурд легко обживает себя в волшебных видениях. Галлюцинаторное претворение желаний, мания власти и величия, многоцветные эротические видения, манищий блеск богатства.

Поэтическое творчество имеет свои правила, собственные очертания. А можно ли говорить о «поэтике грёзы»? Гастон Башляр предрёк эру свободного воображения. Он писал: «Грёзы и мечтания, сны и сновидения, память и отдалённые смутные воспоминания – вот примеры, говорящие о стремлении именовать в женском роде всё нужное и обволакивающее, в противовес слишком прямолинейно мужественным обозначением наших душевных состояний» [1, с. 30]. Образы со всех сторон теснят человеческое восприятие. Они ризоматично изменчивы и извилисты.

Воображение, несомненно, относится к человеческому дару. В истории философии заметно устремление освоить разумные возможности человека. Рассудочная философия считала фантазию извращением интеллекта. Психическое здоровье отождествлялось с логикой, со здравомыслием. Всякое нарушение установленных канонов мышления расценивалось как обрушение в сумасшествие. «С нашей точки зрения, всё обстоит как раз наоборот. Разум, который культивирует только себя, отвергает эмоции, воображение, интуицию, в конечном счёте, вырождается и доводит человека до катастрофы. Однако отважное исследование потенциала сознания, его спектров не может пониматься как безумие. Сумасшедшим можно назвать человека, который отказывается от авантюры ума, не исследует глубины абсурда, капитулирует перед неистовством интеллекта» [4, с. 75].

Способность к фантазии свидетельствует о незавершённости человека, о его тоске по целостности, по восполненности. Воображение – это дар, который дополняет интеллект, а также является фрагментом интеллектуального и духовного процесса. В истории человечества были эпохи, когда жажда иных «фантазийных» миров получала законное воплощение. Это относится, скажем, к эпохе романтизма. Видный представитель этой фило-

софии Йозеф Гёррес писал: «В фантазии отдельное сразу же обозначается как целое, оно сразу же идеально; в скудной реальности отдельное приближается к идее лишь в ущерб целому. Превосходное скупое рассеяно по реальности, зато есть немало низменного, что ранит наши чувства. Лишь к чувственному инстинкту низменное ближе, высшее же чувство откликается лишь на совершенное, а дух усваивает себе действительность лишь в том, в чём она превосходна. Лишь в духе материальная, пленённая истина возвышается и становится вольным выражением идеального» [5, с. 35]. Не только отдельный человек, но и всё человечество нуждается в таком даре, как воображение.

Но это ещё не всё. Некоторые отечественные философы убеждены в том, что не разум стоял у истоков появления человека, а воображение. «Человеческий разум – это вторичное следствие встречи реального с абсурдом, ибо первичное следствие состоит в безудержном сумасбродстве иллюзий, освобождённых абсурдом из-под гнёта инстинкта. Если бы не было иллюзий, не зависящих от опыта, то не было бы и того, что человек предписывает самому себе, вопреки опыту» [6, с. 13].

Обретя разум, человек стал познавать реальность, развив в себе аналитические способности. Так, появилась наука, призванная осваивать окружающий мир и подчинять его человеческим запросам. Развитие интеллекта помогло родиться ещё одному обретению – философии, которая позволила человеку обратиться к вековым проблемам бытия и жизни. Сознание само по себе удваивает мир и содействует его осмыслению. Но другой человеческий дар – воображение – вызвал к жизни особый феномен – искусство, в пространстве которого человек продвигается от образа к образу, от впечатления к впечатлению, от силуэта к силуэту. Человеческая фантазия позволяет тренировать и совершенствовать дар воображения.

Список литературы:

1. Башляр Гастон. Избранное: Поэтика грёзы. М.: РОССПЭН, 2009. С. 18, 30.
2. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1990. С. 59, 62.
3. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практикум, 1997. С. 100.
4. Гуревич П.С. Психоанализ личности. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. С. 75.
5. Гёррес Йозеф. Афоризмы об искусстве // Эстетика немецких романтиков. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. С. 35.
6. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М.: МГИУ, 2010. С. 13.
7. Биbihин В.В. Узнай себя. СПб: Наука, 1998. 577 с.
8. Гуревич П.С. Эстетика. М.: КНОРУС, 2011. 456 с.
9. Померанц Г.С. Выход из транс. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 583 с.
10. Философская антропология Макса Шелера. Уроки, критика, перспективы. СПб.: Алетейя, 2011. 568 с.

References (transliterated):

1. Bashlyar Gaston. Izbrannoe: Poetika grezy. M.: ROSSPEN, 2009. S. 18, 30.

2. Nitsche F. Rozhdenie tragedii, ili ellinstvo i pessimizm // Nitsche F. Soch.: v 2 t. T. I. M.: Mysl', 1990. S. 59, 62.
3. Yaspers K. Obshchaya psikhopatologiya. M.: Praktikum, 1997. S. 100.
4. Gurevich P.S. Psikhooliz lichnosti. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2011. S. 75.
5. Gerres Iozef. Aforizmy ob iskusstve // Estetika nemetskikh romantikov. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, 2014. S. 35.
6. Girenok F.I. Autografiya yazyka i soznaniya. M.: MGIU, 2010. S. 13.
7. Bibikhin V.V. Uznai sebya. SPb: Nauka, 1998. 577 s.
8. Gurevich P.S. Estetika. M.: KNORUS, 2011. 456 s.
9. Pomerants G.S. Vykhod iz transa. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010. 583 s.
10. Filosofskaya antropologiya Maksa Shelera. Uroki, kritika, perspektivy. SPb.: Aleteiya, 2011. 568 s.